

М. В. Кротова

Личные дела служащих КВЖД как источник изучения русского присутствия в Маньчжурии

Антропологический «поворот» в отечественной исторической науке, интерес к истории «простых» людей привели исследователей к поиску новых исторических источников и интерпретации уже известных. Историки всё чаще рассматривают исторические процессы через призму персональной истории, чтобы воссоздать целостную картину прошлого, понять поведение людей в специфических обстоятельствах и мотивы их поступков, сохранить «равновесие между специфичностью частной судьбы и совокупностью общественных условий»¹. Основными источниками для изучения персональной истории являются документы личного происхождения — дневники, мемуары, автобиографии, интервью, письма, которые активно используются историками для решения различных исследовательских задач. Такие документы, как личные дела, играют, как правило, только вспомогательную роль при реконструкции биографий. Настоящая статья предлагает по-другому взглянуть на этот источник, расширив сферу его применения и трактовки.

Материалы фонда 323 «Правление общества Китайско-Восточной железной дороги» в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге являются уникальным источником по изучению русского присутствия в Маньчжурии. Фонд содержит более 20 тыс. дел и охватывает значительный период: 1896–1935 гг. и 1943–1956 гг. В подробном описании

¹ История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 57.

фонда в путеводителе по РГИА², к сожалению, не указано содержание описи 9, где содержится более 6 тыс. личных дел «бывших работников КВЖД». Между тем личные дела служащих КВЖД являются уникальным комплексом источников, позволяющих создать коллективную биографию служащих КВЖД при условии постановки однотипных вопросов о датах и месте рождения, путях попадания в Маньчжурию, браке и семье, социальном происхождении, образовании, роде деятельности, религии и пр.

Русские рабочие и служащие КВЖД попали в Маньчжурию разными путями. Среди них были «старослужащие», работавшие на КВЖД еще со времен ее постройки в конце XIX — начале XX в.; беженцы, прибывшие с волной отступавших белых армий во время Гражданской войны; советские представители, командированные из СССР для работы на КВЖД. Когда после советско-китайских соглашений 1924 г. КВЖД перешла в совместное советско-китайское управление, часть старожилов и эмигрантов взяли советское гражданство как из идейных, так и из прагматических соображений, так как на КВЖД могли работать только граждане СССР и Китая. Таким образом, благодаря материалам из личных дел служащих КВЖД можно проследить разделение русского населения на советских граждан и эмигрантов, их мотивацию при принятии советского или китайского гражданства, способы адаптации русского населения Маньчжурии к новым политическим условиям.

В связи с этим особый интерес для исследователя представляют в личных делах послужные списки «бывших работников КВЖД», которые должны были заполняться каждым поступающим на службу. Послужной список представляет собой отпечатанную типографским способом форму. С 1903 по 1927 г. список печатался в старой орфографии и содержал 10 пунктов: «1. Имя, отчество, фамилия; 2. Чин или звание (для лиц, приписанных к городским или сельским обществам, следовало указать село, уезд или город, к которому он был приписан. — М. К.). 3. Вероисповедание. 4. Сколько лет от роду. 5. В каком учебном заведении воспитывался, окончил ли курс, когда и какие документы имеются в доказательство образовательного ценза. 6. Чем занимался до поступления на КВЖД или где и сколько времени служил. Какие имеются документы о прежней деятельности. 7. Семейное положение: холост или женат. Указать вероисповедание жены, имена и возраст детей. 8. Отбывал ли воинскую повинность, в каком воинском присутствии и когда. Состоит ли в запасе. 9. По какому письменному виду проживает. 10. Собственноручная подпись, если грамотен». Каждый список заверялся делопроизводителем и утверждался начальником службы, на которую поступал претендент. На оборотном листе указывалось прохождение службы на КВЖД: на какую должность был принят, с какого времени и с каким окладом, повышения и перемещения, причины оставления

² Российский государственный исторический архив: Путеводитель: В 4-х т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. Т. 3. Фонды общественных и частных учреждений и организаций. С. 104–107.

службы, отпуска и болезни, награды и пособия, подробное обозначение взысканий за проступки (выговоры, штрафы, смещения и пр.).

С 1927 г. была введена новая форма послужного списка, отпечатанная в типографии КВЖД уже в современной орфографии, состоявшая также из 10 пунктов, где уже не было вопросов о чине и звании, вероисповедании, воинской повинности, но появились пункты о месте рождения, гражданстве и национальности. Необходимо было также сообщить о родственниках, находившихся на иждивении лица, поступавшего на службу, с указанием степени родства, фамилии, имени и отчества и возраста. Из пунктов послужного списка для составления коллективной биографии значимыми характеристиками являются возраст, происхождение (из каких социальных слоев), образование, вероисповедание, гражданство, занятия до революции, упоминания о военной службе.

Кроме послужного списка в личных делах служащих КВЖД в дела подшивали заявления о приеме на работу и увольнении, переписку с другими службами, характеристики, приказы по личному составу о перемещениях по службе, повышении окладов, награждении, предоставлении отпусков и прочие документы. Например, в них содержится переписка по квартирному вопросу — о предоставлении служебных квартир с указанием жилой площади в зависимости от должности, медицинские освидетельствования, ходатайства о пособиях и пенсиях. Анализ сведений, представляемых в личных делах, позволяет разделить всех русских служащих КВЖД на отдельные социальные группы, выделить некоторые общие моменты в биографиях.

Выбрав репрезентативную группу — персоналии наиболее характерных социальных типов служащих КВЖД из интеллигенции, бывших военнослужащих, старожилов, политических деятелей белого движения, этнических групп (поляков, евреев, татар, грузин и т.п.), молодежи, можно экстраполировать их биографии на историю российской эмиграции в Маньчжурии. В судьбах этих людей воплотился смысл исторического выбора целого поколения, внезапно потерявшего родину — быть лояльным новой власти и «встроиться» в новую систему или остаться изгоем-эмигрантом, хотя и сохранившим свои убеждения.

По условиям советско-китайских соглашений 1924 г. работать на КВЖД могли только советские и китайские граждане³. Целью новой администрации КВЖД и советской дипломатии было «очистить» дорогу от враждебного «белогвардейского» элемента, а также расколоть эмиграцию, «освоить» ее, восстановив в правах гражданства, и таким образом сделать ее лояльной новой власти. Судя по личным делам, это удалось, так как большинство старослужащих и беженцев, работавших на КВЖД, предпочли принятие советского гражданства увольнению.

Многие из беженцев смогли сделать карьеру за счет уволенных «белых». Например, из личного дела Н. Г. Арутюняна, 1891 г.р., можно узнать, что он, армянин, окончил Бакинское городское училище, служил с 1920 г. в Международном

³ Советско-китайские отношения, 1917–1957 гг.: Сб. документов. М., 1959. С. 82–89, 94–98.

обществе спальных вагонов. В 1926 г. он подал ходатайство в Генеральное консульство СССР в Харбине о восстановлении советского гражданства, где ему была выдана квитанция № 10183 от 3 марта 1926 г.⁴, и уже 1 июля 1926 г. он был принят временным агентом коммерческой части КВЖД с окладом 250 руб. в месяц⁵. В связи с тем, что все штатные должности были заняты, остается только догадываться, на каких условиях Арутюнян был принят на службу, быстро поднимаясь по служебной лестнице. 7 июля 1927 г. Арутюнян был командирован в СССР «для обсуждения вопросов, касающихся транзитных перевозок пассажиров, багажа и срочных посылок в прямом европейско-азиатском сообщении». С 29 октября 1928 по 30 января 1929 г. опять был командирован в Прагу на 4-ю Европейско-Азиатскую конференцию, затем через Германию, Австрию, Ригу и Москву он вернулся в Харбин (ему был выдан аванс, а затем выплачены командировочные деньги из расчета 25 руб. в сутки). Во время советско-китайского конфликта в конце августа 1929 г. он был арестован китайской полицией за «коммунистическую деятельность на КВЖД». После освобождения в апреле 1930 г. был отправлен в командировку на 5-ю конференцию Европейско-Азиатского прямого сообщения в Одессу, в октябре 1930 г. командирован в Дайрен. С 1 сентября 1931 г. был назначен помощником заведующего пассажирскими операциями КВЖД. 15 марта 1933 г. ему был выделен особняк площадью 95,4 кв. м в Новом городе. 15 апреля 1934 г. последовала командировка в Москву на два месяца, из Москвы он прислал прошение о предоставлении отпуска, но в Харбин больше не вернулся. Он предоставил удостоверение поликлиники НКПС о состоянии здоровья и заявление об увольнении. 15 сентября 1934 г. был уволен от службы согласно прошению по болезни⁶.

Примером «деловитой расчетливости» такого рода людей, способных сделать карьеру при любом режиме, могут служить документы из личного дела Сергея Николаевича Меранвиля (часть своей фамилии — Меранвиль де Сент-Клер — он опустил в анкете), 1866 г.р., дворянина, статского советника в отставке, царского чиновника, перешедшего на сторону советской власти после революции. Из послужного списка в его личном деле можно узнать, что С. Н. Меранвиль, уроженец Виленской губернии, окончил гимназию и Технологический институт в Санкт-Петербурге, после чего служил в различных государственных учреждениях Российской империи — в Государственном контроле 3 года, по таможенному ведомству 14 лет, по ведомству путей сообщения 19 лет. Был женат,

⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 186. Л. 1. При подаче ходатайства о предоставлении гражданства и уплате консульского сбора «бывшему русскому» выдавалась квитанция «на получение паспорта» на время ожидания решения ЦИК СССР, когда квитанция заменялась «составленным».

⁵ Для сравнения: штатный профессор на Юридическом факультете в Харбине получал 200 руб. в мес., рабочий на КВЖД в среднем получал 30 руб. в мес.

⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 186. Л. 80–104. По данным «Мемориала», в 1937 г. он был арестован, обвинен в шпионаже, приговорен к 10 годам ИТЛ. Его жена Мария Федоровна была расстреляна в 1937 г.

имел пятерых детей⁷. После революции он остался служить на железной дороге, теперь уже бывшей в подчинении НКПС, как «испытанный специалист по общеадминистративной части»⁸. В начале 1918 г., вслед за переводом НКПС в Москву переехал туда для организации общеадминистративного отдела при Центральном управлении железнодорожного транспорта. С 20 августа 1921 г. по личной просьбе он был перемещен на Октябрьскую железную дорогу, где работал заместителем начальника административной службы. Ввиду «семейных обстоятельств» Меранвиль в апреле 1922 г. выехал в Харбин, где после долгих хлопот в марте 1924 г. смог устроиться на КВЖД, правда, только временным конторщиком с окладом 50 руб. в месяц.

В октябре 1924 г., после перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление Меранвиль попытался улучшить свое материальное положение, используя смену власти на КВЖД. Он направил письмо новому советскому правителю дел КВЖД И. О. Яцунскому (по данным эмигрантов, сотруднику ОГПУ) с просьбой привлечь его к «более живой работе»: «Начальник службы эксплуатации Г. Я. Марков лично знает меня по работе. Он очень хочет взять меня к себе. Но, к сожалению, у него нет ни одной мало-мальски подходящей вакансии. Разве только ярый “кирилловец” Якшин надумает уйти, не дождав-шись своего императора! Но надежды на его уход мало. <...> Не повезло здесь Меранвилям, разве вот теперь, с новым годом, с новой сметой, и, главное, с новым “нашим” начальством пойдет лучше»⁹. По сути, письмо было доносом на сослуживцев, которых Меранвиль обвинял в монархических настроениях и недостаточной лояльности новой власти.

В конце концов несколько «старослужащих» были уволены со службы, а Меранвиль занял место одного из них. Он был переведен с 1 апреля 1925 г. в службу общих дел делопроизводителем билетного стола канцелярии Управления дороги с окладом в 150 руб. в мес. В 1925 г. он подал документы в советское консульство в Харбине и получил в 1926 г. советский паспорт (совзагранвид) за № 20939. В деле хранится еще несколько писем Меранвиля к Яцунскому с просьбами о повышении оклада. Так, например, в письме от 9 сентября 1925 г. он писал: «Много лет сотрудничая в Москве со старыми партийными работниками, я привык крепко верить им. А потому не сомневаюсь, что Вы выполните тот минимум, который был обусловлен Вами перед самым назначением тов. Рябина начальником билетной части»¹⁰. Дело в том, что Меранвиль стал помощником начальника билетной части КВЖД в августе 1925 г., но оклад у него остался прежним. В связи с этим Меранвиль просил повысить ему жалование за счет сокращения окладов конторщикам и ревизору-инструктору. К письму,

⁷ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3454. Л. 1.

⁸ Письмо С. Н. Меранвиля И. О. Яцунскому, правителю дел КВЖД, 27 декабря 1924 г. // РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3454. Л. 5а.

⁹ Там же. Л. 5б.

¹⁰ Там же. Л. 23.

кстати, прилагался проект сокращения окладов, после которого следует записка рукой Яцунского от 12 сентября 1925 г.: «Всю переписку, как характеризующую один и тот же шкурный вопрос, включить в личное дело Меранвиля». Все-таки в 1927 г. С. Н. Меранвиль получил долгожданное повышение оклада до 200 руб. в месяц. По-видимому, он выполнял попутно «особые поручения», так как во время советско-китайского конфликта 1929 г. Меранвиль был в числе 59 человек, высланных китайскими властями из Маньчжурии в СССР за активную «пропаганду коммунизма» в июле 1929 г.

Он выехал в Москву, где попытался оформить свое увольнение со службы «по болезни», чтобы получить пособие от КВЖД. 7 августа 1929 г. он прошел «освидетельствование» Московским бюро врачебной экспертизы, которое признало Меранвиля «инвалидом 2 группы». После чего ему было насчитано пособие от дороги в сумме 531 руб. 25 коп. На КВЖД он уже не вернулся, поселился в Анновке — селе недалеко от г. Боброва Воронежской области. Был арестован в 1937 г. и приговорен к расстрелу как «японский шпион»¹¹.

Как видно из материалов личного дела С. Н. Меранвиля, перед новыми советскими начальниками на КВЖД заискивали, желая завоевать их расположение. Правитель дел КВЖД И. О. Яцунский, ведавший всеми назначениями, был, по-видимому, доволен своей ролью «благодетеля». В его личном деле хранится огромное количество приглашений, благодарностей, прошений, записок, вроде этой, от 16 февраля 1926 г. (подпись неразборчива): «Милый Иван Осипович, <...> сейчас назначаются школьные зубные врачи при школах дороги. Одна моя близкая знакомая — Александра Борисовна Бутом-Леск — намечена кандидаткой. <...> Нам сказали, что утверждение зависит от Вас и просьба моя в следующем — если это так, то имейте ее в виду. <...> Мне не хотелось опять обращаться к Вам по такому поводу. Но знаете, Иван Осипович, у всех такое тяжелое положение»¹². Из личного дела А. Б. Бутом-Леск, эмигрантки из Оренбурга, видно, что просьба была удовлетворена, и 27 апреля 1926 г. она была назначена на должность временного зубного врача Центральной больницы КВЖД с окладом 1320 руб. в год¹³.

В руках новой советской администрации КВЖД был важнейший ресурс — возможность трудоустройства в условиях безработицы, и этим ресурсом она умело пользовалась, привлекая на свою сторону заметные фигуры из «белого» лагеря. Вслед за «сменовеховцами», устроенными на КВЖД, — Г. Н. Диким и Н. В. Устряловым¹⁴, советское гражданство приняли большинство профессоров,

¹¹ Вспомним невинно убиенных // Страница клуба «Память» Воронежского госуниверситета: <http://samsv.narod.ru/Klb/City/Bobrov/repress.html>. Дата обращения: 15.07.2012.

¹² РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6255. Л. 32.

¹³ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 668. Л. 1 об. Бутом-Леск, имея китайский паспорт, изъявила желание получить советское гражданство, о чём имелась квитанция Генерального консульства СССР в Харбине №2430 от 2 ноября 1925 г., в противном случае она бы не смогла работать на КВЖД.

¹⁴ Н. В. Устрялов в феврале 1925 г. стал начальником Учебного отдела вместо уволенного проф. Н. И. Никифорова с годовым окладом в 6 тыс. руб. Ему кроме прочих льгот был

ученых, востоковедов: В. А. Рязановский, Л. А. Устругов, М. Н. Ершов, Е. М. Чепурковский, А. И. Погребецкий, В. Д. Маракулин, В. Я. Толмачев, Н. Н. Трифонов, Н. С. Лопухин, И. В. Скурлатов, А. В. Спицын, В. Н. Веселовзоров и др. Надо заметить, что в различных энциклопедиях, словарях и справочниках по истории российской эмиграции при упоминании этих людей, как правило, не указывается факт принятия ими советского гражданства¹⁵.

Известный писатель С. Г. Скиталец-Петров, живший в Харбине и печатавшийся в эмигрантских газетах, в декабре 1927 г. опубликовал в харбинской газете «Новости жизни» открытое письмо о переходе на сторону советской власти и разрыве с эмиграцией. Однако важным обстоятельством являлось то, что письмо было опубликовано на другой день после того, как его жену, В. Ф. Петрову, устроили на работу на КВЖД с 1 декабря 1927 г. в коммерческую службу с окладом 150 руб. в месяц. Ей также была предоставлена казенная квартира и выдан паспорт СССР генконсульством в Харбине от 16 декабря 1927 г. № 2489¹⁶.

Среди устроившихся на службу в КВЖД было немало бывших офицеров, участвовавших в Гражданской войне на стороне белых армий. Естественно, при заполнении анкет эти факты скрывались. Поэтому умолчания в послужных списках также очень важны для анализа мотивов принятия советского гражданства, а также понимания механизмов «социальной мимикрии» — приспособления к окружающей социальной среде ради достижения каких-либо выгод, выживания и сохранения.

Например, Николай Аполлонович Байков, 1872 г.р., известный писатель и охотник, старожил Маньчжурии (с 1901 по 1914 г. он служил в Заамурском округе пограничной стражи), во время Гражданской войны воевал в рядах Добровольческой армии. В 1920 г. он покинул Россию и через Константинополь, затем Египет и Индию в сентябре 1922 г. добрался до Владивостока, потом перебрался в Маньчжурию. Но, поступая на КВЖД, в автобиографии указал: «После демобилизации в 1919 г. служил в Киеве в Губсобезе, где заведовал продовольственными складами. С приходом в Киев денкинской армии выехал в Маньчжурию. <...> Политикой не занимался, в гражданской войне не участвовал и никогда не состоял ни в какой организации или партии»¹⁷. В сентябре 1925 г. Байков подал документы в советское консульство о восстановлении советского гражданства, после чего получил место помощника лесного смотрителя Земельного отдела КВЖД с окладом 1200 руб. в год. Советский паспорт получил в 1927 г.

Бывший подполковник П. Л. Островский, 1884 г.р., дворянин, уроженец г. Владикавказа, был известен в эмиграции в Харбине как начальник штаба

предоставлен казенный особняк площадью 189,6 кв. м (РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5480. Л. 1 об., 55).

¹⁵ См., например: *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.

¹⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4077. Л. 1.

¹⁷ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 244. Л. 12 — 12 об.

Азиатской дивизии барона Р. Ф. Унгерна. После прибытия в Харбин Островский в 1921 г. устроился на работу на КВЖД. Заполняя анкету послужного списка при поступлении на КВЖД, в графе «чем занимались до поступления на дорогу» Островский указал: «Работал на Владикавказской железной дороге, на должности коммерческого конторщика и запасного агента по движению»¹⁸, никак не упомянув свое боевое прошлое. Он устроился конторщиком, потом временным весовщиком ст. Маньчжурия, в 1923 г. работал билетным и багажным кассиром ст. Аньда (оклад 840 руб. в год). С приходом советской администрации взял советское гражданство¹⁹ и таким образом обеспечил себе безбедное существование. С 1 ноября 1925 г. его назначили начальником ст. Чанчунь с окладом 1500 руб., а с 1 ноября 1928 г. — начальником ст. Куаньченцзы с повышением оклада до 3 тыс. руб. в год.

Другой офицер, генерал-майор Василий Николаевич Касаткин, в 1918–1919 гг. состоял в штабе адмирала А. В. Колчака, в 1920 г. эмигрировал в Харбин и устроился на КВЖД. В своих воспоминаниях, написанных в 1950-х гг., Касаткин утверждал, что работал в Правлении КВЖД, был эмигрантом, уволен с дороги 20 октября 1929 г.²⁰ Между тем, заполняя послужной список, факт службы у Колчака Касаткин опустил. До 1921 г. он, согласно списку, «работал по железнодорожным вопросам в военном ведомстве с 1914 г.»²¹. В 1925 г. В. Н. Касаткин, как и многие служащие, подал заявление в Генеральное консульство СССР в Харбине с просьбой о «восстановлении в правах гражданства СССР» и получил квитанцию из консульства об уплате налога²². Эта квитанция позволила ему работать на КВЖД, причем в документах он числился как «советский гражданин», хотя советского паспорта не имел. Но В. Н. Касаткину и еще ряду служащих по возбужденным ими ходатайствам о принятии советского подданства ЦИК СССР отказал. В связи с этим, согласно приказу № 144 от 20 октября 1927 г., Касаткин и еще 10 агентов КВЖД были «отстранены от занимаемых должностей» как «не состоявшие в подданстве СССР или Китая»²³.

Вопрос о получении советского гражданства был способом контроля над служащими и давления на них со стороны советской администрации. По некоторым личным делам можно проследить, какой период прошел со времени подачи заявления в советское консульство о восстановлении прав гражданства СССР, получения об этом квитанции и затем советского паспорта (совзагранвида). И если рабочие, члены их семей, профсоюзные активисты или агенты,

¹⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3891. Л. 1.

¹⁹ В 1925 г. он получил квитанцию, 30 июля 1928 г. ему был выдан советский паспорт № 26600.

²⁰ *Kasatkin V.N. Collection. Memoirs // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.*

²¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2175. Л. 1.

²² Там же. Л. 39.

²³ Там же. Л. 32.

выполнявшие, по всей видимости, «особые поручения» для СССР, получали паспорта практически через месяц-два после подачи заявления, то другим агентам, в лояльности которых были сомнения, выдача паспорта затягивалась по тем или иным причинам, и в конце концов их увольняли как «бесподданных». Так, например, инженер А. В. Скворцов 27 ноября 1928 г. подал прошение на имя Управляющего дорогой: «Прошу не отказать возбудить ходатайство перед Генеральным консульством СССР в Харбине о восстановлении меня в правах гражданства СССР и выдаче мне паспорта. Заявление с просьбой восстановить меня в правах гражданства мною было подано 23 мая 1925 г., о чем имею квитанцию № 4112. Несмотря на неоднократные мои запросы до сего времени не имею ответа». На прошении сверху приписка Управляющего дорогой А. И. Емшанова: «Оставьте без ответа»²⁴. Советский паспорт Скворцов так и не получил, был уволен в 1930 г. и перешел в эмигрантское состояние. Известный востоковед И. С. Скурлатов, зав. курсами китайского языка КВЖД, имел квитанцию № 561, выданную Генеральным консульством СССР в Харбине 5 января 1925 г., но в советском гражданстве ему было отказано, и он был уволен в мае 1930 г.²⁵ Такова была судьба многих «спецов», работавших на КВЖД, оставшихся работать во время советско-китайского конфликта и затем уволенных новой советской администрацией.

Личные дела могут служить важным источником изучения изменившихся правил социального поведения для служащих КВЖД, принявших советское гражданство. Так, например, регистрировать браки, рождение детей, факты смерти для советских граждан необходимо было только в отделах ЗАГС при консульствах СССР в Маньчжурии. С одной стороны, упрощенная форма регистрации брака позволила многим служащим развестись и вторично жениться (выйти замуж). Так, в некоторых личных делах есть упоминания о первом церковном браке и втором, зарегистрированном в советском консульстве. Начальник службы тяги инженер А. Х. Калина в 1925 г. получил советский паспорт, после чего в 1926 г. он развелся с первой женой Марией Васильевной, с которой состоял в церковном браке с 1902 г. и имел троих детей, и 15 марта 1927 г. в отделе ЗАГС Генерального консульства СССР в Харбине оформил второй брак с Анной Михайловной²⁶. С другой стороны, для подтверждения лояльности многие служащие дублировали свои свидетельства о браке и свидетельства о рождении детей, так что в делах находятся выписи, выданные церковным причтом, и выписи из отделов ЗАГС. В личном деле «бывшего работника КВЖД» В. И. Александрова — старослужащего, начальника службы пути, находятся два свидетельства о браке с С. Г. Гладышевой: первое — от 1922 г., о церковном браке, а второе — от 21 сентября 1925 г. (после подачи заявления о восстановлении гражданства) с ней же в отделе ЗАГС Генерального консульства СССР

²⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4840. Л. 17.

²⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4867. Л. 2 об.

²⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2102. Л. 93.

в Харбине²⁷. Советским гражданам, по-видимому, уже нельзя было вступать в церковный брак. Врачу ст. Аньда А. И. Сунгурову, старослужащему, получившему советское гражданство, консульство после развода с первой женой отказало в регистрации второго брака с эмигранткой Н. А. Кадушкиной. Был составлен акт от 21 ноября 1930 г. в «удостоверение того, что Сунгуров и Кадушкина действительно находятся между собой в брачном сожителстве и проживают совместно», подписанный агентами КВЖД Л. Д. Троценко, А. А. Баталиной, Н. Г. Бурдаковым, после чего Н. Кадушкина получила статус «гражданской жены»²⁸.

Личные дела советских партийных чиновников, командированных из СССР на КВЖД, могут пролить свет на образ жизни новой советской элиты в Харбине, близкий к колониальному быту. Хотя в большинстве своем советские представители, особенно высшие агенты или представители спецслужб не считали нужным заполнять послужной список или пропускали пункты об образовании, вероисповедании, служебном стаже, всё же в их личных делах содержится достаточно сведений, чтобы иметь представление о советской верхушке КВЖД. Все высшие агенты КВЖД, командированные из СССР, получали большие оклады: управляющий КВЖД получал 25 тыс. зол. руб. в год, не считая денег на представительские расходы, товарищ председателя правления КВЖД получал 21 тыс. руб., заместитель товарища председателя — 18 тыс. руб., члены правления КВЖД — по 10 тыс. руб. в год. Помимо высоких окладов всем высшим чиновникам полагались отдельные особняки или казенные квартиры с мебелью. К примеру, товарищу председателя правления КВЖД В. Г. Чиркину был отведен особняк площадью 487,96 кв. м, члену Ревизионного комитета КВЖД Ф. Я. Першину, секретарю парткома Управления дороги — особняк площадью 220 кв. м с гаражом 40 кв. м²⁹, инженеру для поручений В. Н. Алфимову — особняк площадью 168,22 кв. м³⁰. Всем полагались отдельные автомобили, личные шоферы, бесплатный проезд по железной дороге в спецвагонах. Причем бесплатные билеты на проезд по железной дороге выписывались не только для членов семей, но и для нянь при детях. На лето предоставлялись дачи или оплачивалось лечение на морских курортах. В личных делах «командированных из Москвы» также содержатся приглашения на балы, вечера, банкеты, обеды, счета на приобретение «виктрол» (так назывались патефоны в Харбине), радиоприемников, мотоциклов, удостоверения на ношение оружия, пособия на лечение, оплата командировочных, которые позволяют реконструировать образ жизни советских чиновников в Маньчжурии в 1920–1930-е гг.

Материалы, содержащиеся в личных делах, многое проясняют в поведении старших агентов, граждан СССР и эмигрантов во время советско-китайского конфликта 1929 г. Этот аспект остался за рамками многочисленных исследова-

²⁷ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 74. Л. 1.

²⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5117. Л. 114–115.

²⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4036. Л. 13. Ф. Я. Першина отозвали в Москву в октябре 1933 г., в связи с чем он просил выписать наряд на провоз 820 кг багажа. (Там же. Л. 53).

³⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 103. Л. 13.

ний по истории конфликта — чрезвычайно запутанного клубка международных отношений. В исторической литературе закрепились представления о том, что большинство советских граждан в начале советско-китайского конфликта были уволены китайской администрацией, уволились сами со службы на КВЖД или были арестованы китайскими властями, а их места заняли китайцы и русские эмигранты. Однако внимательное изучение личных дел бывших служащих КВЖД вносит коррективы в представления о конфликте и приводит к выводу о том, что далеко не все служащие КВЖД, принявшие советское гражданство, остались лояльны советской администрации КВЖД.

Отдельные авторы утверждают, что после увольнения советских сотрудников со службы на КВЖД на их должности были назначены русские эмигранты³¹. Но это не совсем так. Судя по послужным спискам личных дел, уволенных высших агентов — граждан СССР зачастую заменяли также советские граждане, так называемые «новосоветские», работавшие на дороге до 1924 г. и принявшие советское гражданство для того, чтобы остаться на дороге. Так, уволенного начальника службы общих дел, советского гражданина В. П. Князева заменил также гражданин СССР, начальник отдела происшествий Н. Н. Афанасенко, вместо начальника службы пути Е. Н. Хилькевича был назначен В. И. Александров, вместо начальника службы сборов М. У. Ильинского — К. К. Луневский — все с советскими паспортами. Остались работать на местах многие советские граждане: помощник главного бухгалтера В. Б. Кукель-Краевский, вр. и.о. начальника материальной службы В. Е. Поппель, переводчики А. Г. Скерст, А. И. Галич, преподаватель Е. Х. Нилус, юрисконсульты В. Б. Разумовский, И. И. Щербаков, Игнатьев и др.; некоторые начальники участков службы пути — В. А. Смирнов, А. В. Скворцов, Г. М. Шимкин, Г. И. Бочаров, В. Н. Чертогоров. Остались работать почти все агенты Экономического бюро, граждане СССР, тесно связанные со сменовеховством, — В. И. Сурин, Е. Е. Яшнов, В. Г. Ласкин, А. М. Горшенин, М. Н. Ершов, Л. И. Любимов, Н. С. Зефилов, Т. В. Бутов, а также агенты коммерческой части В. Я. Толмачев, М. Н. Ершов, В. И. Денисов, М. С. Доброхотов, П. М. Меньшиков и др.³² Более того, воспользовавшись случаем, многие советские граждане перешли на более высокооплачиваемые должности, а те, кто стоял в очереди на казенную квартиру, как, например, известный охотник и писатель Н. В. Байков, наконец-то получили ее³³. Надо отметить, что советские граждане остались работать на КВЖД вопреки призывам партийных и профсоюзных организаций об увольнении с дороги с целью дестабилизации ее работы.

Среди уволившихся со службы советских граждан, по-видимому, были сомнения в исходе конфликта, поэтому некоторые высшие агенты решили подстраховаться «на всякий случай» и уволиться по болезни. Инженер А. Х. Калина,

³¹ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. С. 202.

³² РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6277. Л. 3–390.

³³ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 244. Л. 52.

начальник службы тяги, уволенный 11 июля 1929 г., уехал в г. Дайрен на юг Маньчжурии и уже оттуда прислал заявление об увольнении по болезни. Он прошел медицинское освидетельствование, был признан больным и получил огромное заштатное пособие — 11 тыс. руб.³⁴ Секретарь службы пути В. П. Корнев, депортированный в Читу, прислал акт медицинского освидетельствования, выданного Читинским бюро врачебной экспертизы за № 1202 от 20 июля 1929 г., после чего был уволен по болезни с выдачей заштатного пособия 5929 руб.³⁵ Так же поступили член правления КВЖД С. И. Данилевский, начальник службы сборов М. У. Ильинский, агент для поручений при управляющем дороги А. Б. Пылинский, секретарь управления КВЖД Н. Г. Хорьков и др.

Из документов личных дел складывается неоднозначная картина поведения советских граждан во время конфликта. Большинство служащих КВЖД отказались увольняться с дороги, подтвердив свою лояльность китайской администрации. Это объясняет политику новой советской администрации КВЖД после конфликта, проведение «чистки» среди служащих КВЖД и отказа от использования старожилов — «спецов» в пользу «проверенных кадров» из Советского Союза.

Таким образом, личные дела бывших работников КВЖД являются уникальным комплексным историческим источником, используя который, можно реконструировать биографии представителей русской колонии в Маньчжурии, объяснить несоответствия и противоречия других источников. Изучение и сравнение биографий позволяет рассмотреть социальную и культурную ситуацию в Маньчжурии в указанный период, выбор и смену гражданства, которые являлись индикатором перемен как во внешнеполитическом курсе СССР и Китая, так и во внутренней политике СССР, обнаружить характерные черты русской ментальности и новые явления в формировании российской эмиграции. Личные дела бывших работников КВЖД позволяют расширить представления о русском присутствии в Маньчжурии, изучить индивидуальное поведение людей, выбор жизненных стратегий в специфических исторических обстоятельствах.

References

- Ablova N.E.* KVZhD i rossiyskaya emigratsia v Kitae. Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.). M.: "Russkaya panorama", 2005.
- Istoriya cherez lichnost: istoricheskaya biografiya segodnya / Pod red. L. P. Repinoi.* M.: Krug, 2005.
- Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv: Putevoditel: V 4 t. T. 3. Fondy obshchestvennyh i chastnyh uchrezhdeniy i organizatsiy. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 2006.
- Sovetsko-kitayskie otnosheniya, 1917–1957 gg.: Sbornik dokumentov.* M., 1959.
- Hisamutdinov A.A.* Rossiyskaya emigratsia v Aziatsko-Tihookeanskom regione i Yuzhnoy Amerike: Bibliograficheskiy slovar. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. univ., 2001.

³⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2103. Л. 17. Заштатное пособие в случае увольнения по болезни рассчитывалось по формуле: средний месячный оклад, помноженный на годы службы.

³⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2533. Л. 8.